

В.П. Даниленко

ОТ ПРЕДЪЯЗЫКА –
К ЯЗЫКУ

ВВЕДЕНИЕ
В ЭВОЛЮЦИОННУЮ
ЛИНГВИСТИКУ

Валерий Петрович Даниленко

От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11873994

*От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную
лингвистику. / Даниленко В. П.: Алетея; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905979-6-9*

Аннотация

Язык – величайшее достояние человеческой культуры. О его происхождении впервые заговорили еще в античности. Понадобилось несколько столетий, чтобы от гипотез о происхождении языка прийти к эволюционной точке зрения на проблему глоттогенеза. Опираясь на эту точку зрения, автор показывает путь к созданию синтетической теории языковой эволюции. Предназначена для философов, биологов, психологов, культурологов. Особенно полезной эта книга будет для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей лингвистических специальностей. Написанная в увлекательной и доступной форме, она будет интересна для самого широкого круга других читателей.

Содержание

Введение	4
Авторская модель универсума	5
1. Гипотезы о происхождении языка	26
1.1. Старые	29
1. 1. 1. Звукосимволическая (Платон)	29
1. 1. 2. Междоментная (А. А. Потебня)	36
1. 1. 3. Звукоподражательная (Платон, Г. Лейбниц)	40
1. 1. 4. Трудовая (Монбоддо, Л. Нуаре, Ф. Энгельс, Б. В. Якушин)	42
1. 2. Новые	53
1. 2. 1. Натавистская гипотеза Н. Хомского	53
1. 2. 2. Протограмматическая гипотеза Т. Гивона	56
1. 2. 3. Музыкальная гипотеза Н. Масатаки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерий Даниленко

От предъязыка – к языку. Введение в Эволюционную лингвистику

Языковые черты следуют по пути эволюции от самых первых попыток преобразовать вокализации животных в человеческую речь и до самого сегодняшнего дня.

Бернар Бичакджан – Президент Международного общества происхождения языка

Введение

Принцип эволюции является универсальным. Он применим к космосу как целому, к спиралевидным туманностям, звёздам с их планетами, к земной мантии, растениям, животным и людям, к поведению и высшим способностям животных; он применим также к языку и историческим формам человеческой жизни и деятельности, к обществам и культурам, к системам веры и науки.

Герхард Фоллмер

Авторская модель универсума

Поразительные коммуникативные успехи шимпанзе Уо-шо, гориллы Коко, орангутана Чантека, бонобо Канзи, собаки Софии, попугая Алекса и других «говорящих» животных

произвели сенсацию в современной эволюционной лингвистике. А. Д. Кошелев написал в связи с этим: «По-видимому, не будет преувеличением сказать, что на Земле возникла новая гуманоидная “цивилизация” – *Говорящие обезьяны*» (Зорина З. А, Смирнова А. А. О чём рассказали «говорящие» обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 28).

Однако теоретическое осмысление сенсации, о которой идёт речь, как и других фактов, проливающих новый свет на проблему глоттогенеза, проводится, как правило, под эгидой эволюционной биологии, ядро которой составляет дарвинизм.

Одним из заслуженных защитников дарвинизма является Бернар Бичакджан.

По мнению Б. Бичакджана, над современной лингвистикой по-прежнему витают «антиэволюционные демоны». Эти демоны смущают души некоторых представителей этой науки до такой степени, что эволюционизм они не просто отвергают, а открыто выступают как его враги. Приведу здесь три высказывания Б. Бичакджана на этот счёт:

1. «Почему язык оказывается родившимся, подобно Афине, в полном вооружении в результате одной генетической мутации? Почему бы им не представить вместо этого язык как инструмент, развивающийся под воздействием эволюционного процесса? Это ключевые вопросы, и ответ на них прост: гуманитарии не любят *эволюции*. Говорить об эволю-

ции в лингвистике неполиткорректно» (*Бичакджан Б.* Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М., 2008. С. 60–61).

2. «Есть ли у тех, кто открыто критикует эволюционистские объяснения перехода от эргативного строя к номинативному или от конечного положения вершины к начальному, данные, показывающие, что эти изменения в нормальном случае *не* однонаправлены или что их результат *не* имеет адаптивных преимуществ перед исходным состоянием? Нет, они просто отвергают эволюционистские объяснения, потому что они против эволюции (см., например, [Newmeyer 2000])» (там же. С. 61).

3. «За этими поверхностными суждениями стоит глубинная потребность изгнать эволюционный подход из лингвистики. Добро бы ещё, если бы она бы выражалась в достойных усилиях продемонстрировать большее знание релевантных языковых данных или расширяла возможности анализировать и оценивать эти данные, но этого нет (см., например, [Guy 2001]). Это заключается либо в злонамеренном введении насмешки в серьёзную полемику, либо в ханжеских попытках выступить в роли бесстрашного рыцаря в блистающих доспехах, неустанно сражающегося с мнимым злом социального дарвинизма Герберта Спенсера или, более близ-

кий пример, предложенного Е. О. Уилсоном биологического подхода к социальному поведению» (там же. С. 64).

Написано с болью сердца! Иначе и не могло быть: Бернар Бичакджан (Bernard Bichakjian) – президент Международного общества происхождения языка. Как ему не бичевать антиэволюционистов, если речь идёт об эволюционной лингвистике? Как эволюционной лингвистике обойтись без эволюционизма? Но тут есть одна немаловажная деталь: Б. Бичакджан – не универсальный эволюционист, а лишь биологический. Он автор книги *Language in a Darwinian Perspective* «Язык в дарвиновской перспективе» (Frankfurt: Peter Lang, 2002). Однако более широкий взгляд на задачи эволюционной лингвистики предполагает соединение лингвистики с философией универсальной эволюции.

Происхождение языка и его эволюция – фрагмент эволюции всего универсума. Как же в таком случае эволюционная (филогенетическая) лингвистика, предметом которой является языковая эволюция, может обойтись без того направления в философии, которое получило название универсального эволюционизма или философии универсальной эволюции (*the universal evolution philosophy*)? Иначе говоря, специалист по эволюционной лингвистике должен быть для начала универсальным эволюционистом.

Быть универсальным эволюционистом – значит быть проводником эволюционного мировоззрения. Его носитель видит в мире результат его многомиллионного развития,

или эволюции. Слово «эволюция» восходит к латинскому *evolutio*, что значит «развёртываю, развиваю». Его антоним – «инволюция». Он происходит от латинского *involutio* (свёртываю). Развёртывающийся, расцветающий, раскрывающийся цветок – пример эволюции, свёртывающийся, вянувший, закрывающийся цветок – пример инволюции. Другой пример: движение от обезьяны к человеку (гоминизация) – пример эволюции, а обратное движение (анимализация) – пример инволюции.

Весь мир часто называют *универсумом*, а его эволюцию – *унигенезом*. Но у мира есть ещё и метафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёх-этажное*.

На первом этаже мироздания расположилась физическая природа (вода, горы, воздух и т. д.). Её можно назвать также физиосферой. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – физиогенез. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – около 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет. Округлённо говоря, Солнце и Земля возникли приблизительно 4,5 миллиарда лет назад.

На втором этаже мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать биосферой. Внутри этого этажа происходит её эволюция – биогенез. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9

миллиарда лет назад. Выходит, что эволюционный возраст биосферы – около 4 миллиардов лет. Выходит также, что Земля была безжизненной более полумиллиарда лет.

На третьем этаже мироздания мы обнаруживаем психику (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Её можно назвать также психосферой. Внутри этого этажа протекает её эволюция – психогенез. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психосферы совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась культура (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Её можно назвать также культуросферой. Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – культурогенез. Эволюционный возраст культуросферы совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культурогенез можно назвать также антропогенезом или гоминизацией (очеловечением). Эволюционный возраст человечества определяется в 2,5 млн. лет. Таков и эволюционный возраст культуры.

За сравнительно короткий срок культура превратилась во «вторую природу». «Культура предстаёт как сотворённая человеком “вторая природа”, надстроенная над природой есте-

ственной, как мир, созданный человеком, в отличие от девственной природы» (Фролов И. Т. и др. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989. С. 524).

В метафоре *вторая природа* по отношению к культуре заложен глубокий смысл. Она говорит нам, во-первых, о том, что продукты культуры создаются из природных материалов, а во-вторых, о том, что культура колоссальным образом увеличивает наши природные возможности: лопата, ткацкий станок, подъёмный кран и т. п. возможности наших рук; автомобиль, поезд, самолёт и т. п. – возможности наших ног; телефон, радио, диктофон и т. п. возможности нашего слуха; микроскоп, бинокль, телескоп и т. п. – возможности нашего зрения, а компьютер – возможности нашей головы. Культура в конечном счёте сделала человека самым могущественным существом на Земле.

Но, увы, у эволюции имеется и её обратная сторона – инволюция (регресс). Вот почему в только что изображённое мироздание мы должны внести существенное дополнение.

Физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез не существуют сами по себе. Они находятся в отношениях коэволюции. Они представляют собою разные формы единого процесса – эволюции. Но существуют и аналогичные формы инволюции. Воспользовавшись латинской приставкой «а-», подобной нашей «не-», мы можем назвать эти формы афизиогенезом, абиогенезом, апсихогенезом и акультурогенезом.

В каждом этаже мироздания мы обнаруживаем единство и борьбу эволюции и инволюции – физиогенеза и афизиогенеза, биогенеза и абиогенеза, психогенеза и апсихогенеза, культурогенеза и акультурогенеза. Всё дело лишь в том, чтобы в борьбе, о которой идёт речь, эволюция одерживала верх над инволюцией. В противном случае в истории человечества произойдёт переворот, о последствиях которого мы можем сейчас лишь догадываться. Он перевернёт этот мир с ног на голову, поскольку он будет состоять в замене эволюции на инволюцию. Это означает, что силы последней начнут одерживать верх над силами первой. Эволюционное, прогрессивное движение станет уступать место инволюционному, регрессивному. Эволюция в этом случае придёт к своему исходному пункту. Для людей это не что иное, как человекообразное обезьянье стадо.

Что мы имеем уже сейчас? О замене эволюционной доминанты в мире на инволюционную уже и сейчас свидетельствуют очень многие факты. Возьмём для начала соотношение между физиогенезом и афизиогенезом. Теория большого взрыва предсказывает, что в далёком будущем расширение Вселенной сменится её сужением. Это, очевидно, означает, что эволюция в физиосфере (физиогенез) уступит место инволюции (афизиогенезу), поскольку конечным пунктом её сужения станет сверхплотное вещество, подобное тому, из которого произошла современная Вселенная.

До господства афизиогенеза над физиогенезом, к счастью,

ещё очень далеко, но теоретически это господство по существу означает уничтожение всех этажей мироздания, возвышающихся над его первым этажом.

А как обстоит дело со вторым этажом мироздания, пока его не тронул далёкий афизиогенез? Происходит ли эволюция живой природы в наше время?

В начале 30-х годов XX века южноафриканский биолог Р. Броом пытался остановить эволюцию живой природы. Он заявил о её конце. Более того, он утверждал, что птицы и млекопитающие перестали эволюционировать 40 миллионов лет назад. Британский палеоантрополог А. Кейтс отреагировал на заявление Р. Броома о конце эволюции таким образом: «Не существует фактов, которые заставили бы нас уверовать в то, что природа сегодня менее плодovита, чем раньше» (*Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. М., 2004. С. 188*). Точку зрения Р. Броома, как ни странно, поддержал знаменитый английский биолог Дж. Хаксли. Но мы должны присоединиться к А. Кейтсу.

Мы пока ещё живём в мире, где эволюция – в том числе и в живой природе – господствует над инволюцией. Но из этого оптимистического заявления вовсе не следует вывод о том, что в современной биосфере, как и физиосфере, всё благополучно. Экологи кричат об обратном.

Афизиогенез и абиогенез в современном мире навязаны природе ненасытными человеческими потребностями. По поводу насильственной инволюции в живой природе можно

прочитать, например, такую информацию: «Учёные из Стэнфордского университета опубликовали неутешительный отчёт, который подтверждает факт начала шестого в истории Земли великого вымирания животного мира. Эти выводы основаны на изучении процесса и скорости исчезновения животных на Земле с использованием новейших методов. Согласно полученным данным, сегодня на грани полного исчезновения находится около 16–33 % мировой фауны» (<http://novostinauki.ru/news/96626/>).

О ситуации с соотношением эволюции и инволюции в культуре я написал целую книгу: «Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры». В последние десятилетия Пандора явно облюбовала Россию. Как из ящика Пандоры, сыплются из телевизора на наши головы новости о нескончаемых катастрофах. Каждый день нам сообщают о массовых человеческих жертвах – то от урагана, то от наводнения, то от пожара, то от затопления, то от завала, то от крушения, то от взрыва, то от отравления, то от террориста, то от заказного убийцы, то от сексуального маньяка... Плачь, Русская земля!

Инволюционные процессы охватили сейчас всю культуру, но в особенности, духовную культуру в России. Мы видим в ней сейчас настоящий инволюционный шабаш: лженаука подпирает науку, лжеискусство – искусство, лженравственность – нравственность, лжеполитика – политику и т. д.

В ходу у нас теперь не только «лже», но и «де»: де-

фляция, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация, деинтеллектуализация, дебилизация, десоветизация, десталинизация и прочие «де», а в итоге – деградация и депопуляция всей страны. В результате мы вырвались на первое место в мире по количеству самоубийств, числу разводов, абортов, убыли населения, потреблению спирта, табака, смертности, продаже поддельных лекарств, потреблению героина, количеству авиакатастроф...

В аннотации к своей книге «Закат человечества» (М., 2010) С. В. Вальцев написал: «2-е издание... посвящено исследованию проблемы духовного вырождения человечества, охватывающего все новые народы и государства, в том числе и нашу страну. Этот глобальный, смертоносный и апокалипсический процесс грозит существованию человека как вида. Рассмотрены причины и перспективы деградации, охватывающей все новые народы и страны, в том числе и Россию. Разбираются механизм и причины установления диктатуры денег, роста отчужденности и эгоизма, нравственной и интеллектуальной примитивизации. Показывается, что в настоящее время человечество переживает ценностный и антропологический переворот небывалого масштаба, сравнимый лишь с переходом от обезьяны к человеку, только сегодня с горечью приходится признать, что эволюция человека повернулась вспять, и этот процесс можно назвать антропологической контрреволюцией». Я называю этот процесс *культурной инволюцией* или *аккультурогенезом*.

Как видим, каждый этаж мироздания, а стало быть, и мироздание в целом, вмещает в себя не только эволюцию, но и инволюцию. Как та, так и другая должны исследоваться наукой. Каким образом мы можем представить себе классификацию базовых наук?

Каждый этаж мироздания изучается особой наукой. Его первый этаж изучается физикой, его второй этаж – биологией, его третий этаж – психологией и его четвёртый этаж – культурологией. Каждая из этих четырёх наук называется *частной*, поскольку она изучает лишь соответствующую *часть* мира. Но есть ещё и *общая* наука, возвышающаяся над всеми частными науками, *обобщающая* достижения всех частных наук. Эта наука называется философией.

Классификацию базовых наук, таким образом, можно изобразить такой таблицей:

ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
БИОЛОГИЯ
ФИЗИКА

Все пять наук называются базовыми потому, что они составляют основу (базу) для других наук – входящих в эти пять базовых наук. Так, в физику входят такие науки, как астрономия, геология, гидрология и т. п., в биологию – бо-

таника, зоология, генетика и т. п., в психологию – зоопсихология и психология человека, а в культурологию – науки о материальной культуре и духовной культуре. В последние следует включить религиоведение, науковедение, искусствоведение, этику, политологию и лингвистику. Предметами их изучения являются шесть компонентов духовной культуры – религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык.

Древние греки, как известно, под *философией* имели в виду любовь к мудрости. В неё попадали по существу все науки. Между тем процесс отделения частных наук от «философии» наметился уже в античности.

Аристотель сузил значение слова *σοφία* (*мудрость*). Он стал понимать под ним «первую философию» (т. е. философию как таковую), которую он стал отличать, в частности, от учения о природе. Он писал: «Если нет какой-либо другой сущности, кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она перее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее знание в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково всё присущее ему как сущему» (*Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М., 1976. С. 182*).

В другом месте Аристотель так писал о «первой философии»: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как такое, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не

тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части, как, например, науки математические» (там же. С. 119).

Аристотель, как видим, определял философию как науку «о сущем как сущем» или «о сущем как таковом», т. е. как науку о любом сущем, о сущем вообще. Сущее – это всё существующее, весь мир, но взятый со стороны всеобщего. Философия при таком понимании её назначения становится тем, чем она и должна быть, – *наукой наук*, поскольку сущее вообще имеется в любом конкретном сущем, изучаемом в частных науках, – в частности, в естествознании, поскольку сущее как сущее в его предмете входит в тот или иной продукт природы.

Андроник Родосский – руководитель первого критического издания трудов Аристотеля в середине I в. до н. э. – поместил «первую философию» после работ по физике. В результате философия приобрела синоним – *метафизика* (букв. «то, что после книг по физике»)¹. «Первая философия» в результате оказалась не на первом месте, а на втором.

Издательская перестановка, о которой идёт речь, в какой-то мере принизила роль философии. Между тем сам Аристотель так писал о «первой философии»: «Это безраз-

---

¹ Г. Гегель придал термину *метафизика* второе значение. Под метафизикой он имел в виду антидиалектику.

дельно господствующая и руководящая наука, наука, которой все другие, как рабыни, не вправе сказать и слова против» (*Аристотель*. Метафизика. М.-Л., 1934. С. 45).

Понимание философии как общей, синтетической науки, как науки наук идёт от Аристотеля, однако в более ясной форме это понимание было выражено Иоганном Гердером в XVIII в. и Гербертом Спенсером в XIX.

Процесс отпочкования частных наук от «философии», которая во многом продолжала сохранять широкое, доаристотелевское понимание её назначения, в западной Европе начался в XVII в. Но этот процесс до сих пор не завершён.

К началу XX в. из-под крыла «философии» с трудом вырвались физика, биология и психология. Со временем их перестали воспринимать как философские дисциплины, однако их «философский» протекторат продолжал напоминать о себе ещё очень долго: книга И. Ньютона по механике названа «Математические начала натуральной философии» (1687), книга К. Линнея по ботанике – «Философия ботаники» (1751), книга Ж.-Б. Ламарка по зоологии – «Философия зоологии» (1809) и т. д.

Во второй половине XX в. от «философии» стала отделяться культурология, но и до сих пор некоторые её дисциплины продолжают находиться по преимуществу в ведении философии. Это касается главным образом религиоведения, науковедения и этики.

Назначение подлинной философии – построение *синте-*

тической обобщённой картины мира на основе всех частных наук – физики, биологии, психологии и культурологии.

Синтетическое понимание роли философии по отношению к частным наукам идёт от Иоганна Гердера и Герберта Спенсера. Оба они в своих великих трудах ясно показали, в чём состоит назначение философии, – в том, чтобы синтезировать и обобщать достижения частных наук. Вот почему она – *наука наук*, т. е. общая наука, возвышающаяся над частными науками.

Если философская наука во всей глубине не усвоит своей *синтетической* роли по отношению к частным наукам, она окажется в положении шекспировского короля Лира. На эту опасность указывал ещё В. Виндельбанд. Он писал: «Философия подобна королю Лиру, который роздал своим детям всё своё имущество и которого вслед за тем, как нищего, выбросили на улицу» (*Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи.* СПб., 1904. С. 16).

Е. С. Кузьмин писал: «Философия как *наука* начала формироваться в глубокой древности. Однако и поныне философия, “которая есть”, всё ещё не та, “которая быть должна”. Философия всё ещё вынуждена доказывать своё право называться наукой. До сих пор идут нескончаемые споры о предмете и задачах философии, о её месте и роли в системе наук, в общественном сознании и общественной жизни людей – в отношениях человека к действительности. Философия, по определению Н. З. Чавчавадзе, должна выполнять организу-

ющую роль – давать направление жизни индивидуальной и целой культуры. Выполняя такую роль, философия обязана быть основой человеческой деятельности, руководящей силой в жизни личной и общественной» (*Кузьмин Е. С. Система «Человек и мир»*. Иркутск, 2010. С. 37).

А на следующей странице автор этих слов уточняет своё понимание назначения философии. Оно, с его точки зрения, состоит в «выработке научной картины мира – цельной и стройной системы воззрений на мир и место в нём человека, системы, адекватно отвечающей логике вещей» (там же. С. 38).

Направлять философию на выработку научной картины мира – значит исходить из синтетического понимания её назначения. Оно позволяет ей сохранить свою дисциплинарную специфику и не оказаться за бортом науки, из которой её сейчас особенно охотно выпихивают.

П. В. Копнин писал: «Философия сохранила свой предмет и метод, своё особое отношение к миру и постигающему его знанию. Философия не просто суммирует его результаты, являясь всеобъемлющей *наукой наук*, а вырабатывает всеобщий метод движения знания к объективной истине» (*Копнин П. В. Диалектика, логика, наука*. М., 1973. С. 80).

Движение знания к объективной истине в первую очередь зависит от наличия в сознании его носителей единственно верного мировоззрения – эволюционизма. Именно эволюционизм позволит человечеству выжить. Дело стало за малым

– ему надо учиться, учиться и учиться. Начинать нужно с основных понятий универсального эволюционизма, которые можно представить в виде следующей таблицы:

УНИВЕРСУМ	
ЭВОЛЮЦИЯ	ИНВОЛЮЦИЯ
Гармонизация: <i>хаос → гармония</i>	Хаотизация: <i>хаос ← гармония</i>
<i>Физиогенез → биогенез → психогенез → культурогенез</i>	<i>Афизиогенез ↔ абиогенез ↔ апсихогенез ↔ акультурогенез</i>
КУЛЬТУРА	
Гоминизация: <i>животное → человек</i>	Анимализация: <i>животное ← человек</i>
РЕЛИГИЯ	
Атеизация: <i>вера → безверие</i>	Теизация: <i>дьявол → Бог</i>
НАУКА	
Сциентизация: <i>ложь → истина</i>	Антисциентизация: <i>ложь ← истина</i>
ИСКУССТВО	
Эстетизация: <i>безобразное → прекрасное</i>	Антиэстетизация: <i>безобразное ← прекрасное</i>
НРАВСТВЕННОСТЬ	
Морализация: <i>зло → добро</i>	Аморализация: <i>зло ← добро</i>
ПОЛИТИКА	
Политизация: <i>несправедливость → справедливость</i>	Аполитизация: <i>несправедливость ← справедливость</i>
ЯЗЫК	
Лингвизация: <i>разобщение → единение</i>	Алингвизация: <i>разобщение ← единение</i>

Эволюционный смысл универсума (а человек – его частица) – слева, инволюционная атака на этот смысл – справа.

Только шесть комментариев к приведённой схеме универсума.

1. Эволюция религиозного сознания осуществляется в направлении от дьявола к Богу. Это направление можно назвать теизацией. Она сыграла положительную роль в гоминизации. Но уже Средние века показали, что вред наносимый культуре со стороны религии, преобладает над пользой. Вот почему мудрые головы видят в религии фактор, тормозящий культурную эволюцию. На его место они ставят атеизацию – движение от веры в Бога к безверию.

2. Эволюция в науке состоит в движении от лжи к истине. Это движение можно назвать сциентизацией. Без сциентизации человеческого сознания никакой прогресс в культуре невозможен. Более того, сциентизация – главный фактор очеловечения.

3. Эволюция в искусстве состоит в движении от безобразного к прекрасному. Это движение можно назвать эстетизацией. Без эстетизации человеческого сознания процесс очеловечения немыслим. Эстетически неразвитый человек есть человек неполноценный.

4. Эволюция в нравственности состоит в движении от зла к добру. Это движение называется морализацией. Без морализации человеческого сознания общественный прогресс невозможен. Человек безнравственный есть зверь.

5. Эволюция в политике состоит в движении от несправедливости к справедливости. Это движение – политизация. Без массовой политизации движение к справедливому политическому строю не представляется возможным. Человек апо-

литичный есть раб несправедливого социального режима.

6. Эволюция в языке состоит в движении от разобщения к единению. Это движение – лингвизация. Без лингвизации об очеловечении говорить не приходится. Недаром грузины говорят: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Своим существованием культурная эволюция обязана человеку говорящему. Человеческий род без языка – нонсенс. Лингвизация – путь к социальности, тогда как алингвизация – путь к асоциальности.

Атеизация, сциентизация, эстетизация, морализация, политизация и лингвизация – вот шестеричный путь, ведущий нас к идеалам. Только на этом пути мы обретаем свою сущность – человечность.

Эта книга посвящена главным образом лингвизации (оязычению). В ней пять глав. В *первой* из них рассматриваются старые и новые гипотезы о происхождении языка. Во *второй главе* исследуются взгляды универсальных эволюционистов на вопросы, связанные с происхождением языка. В *третьей главе* анализируются частнонаучные подходы к решению проблемы глоттогенеза – биологические, психологические и культурологические. Представители первых из них видят в языке в первую очередь продолжение биогенеза, представители вторых – продолжение психогенеза и представители третьих – продолжение культурогенеза. В *четвёртой и пятой главах* представлены взгляды автора на решение проблем, связанных, с одной стороны, с происхождением

ем и эволюцией предъязыка, а с другой, – с происхождением и эволюцией языка.

1. Гипотезы о происхождении языка

В религиозном сознании происхождение языка выглядит как часть божественного творения мира. Так, библейский бог Яхве вдохнул дар слова в первого созданного им человека – Адама – в шестой день миротворения. В результате появился первый язык – язык Адама, который позднее получил латинское название *lingva adamica*.

В XVI–XVII веках миф о божественном происхождении языка проник в науку. Более того, в научной среде появились люди, которые составляли длинные списки слов, из которых, по их предположению, состоял язык Адама.

Lingva adamica – древнееврейский язык. Его основным творцом был Адам, однако первые слова, входящие в него, были созданы самим Яхве. Каким образом он это делал?

По «Библии», «в начале было слово» – слово Творца, за которым следовала реальия, которую оно обозначает. За словами, обозначающими на иврите «свет», «небо», «море», «сушу» и др., которые Яхве произносил в течение шести дней своего творения мира, появились свет, небо (твердь), море, суша и т. д.

О том, что слово в библейском унигенезе предшествует реалии, свидетельствуют не только известные слова, с кото-

рых начинается «Евангелие» от Иоанна («В начале было слово...»), но и «Шестоднев». Вот как это в нём, в частности, выглядит: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.» (Библия. М., 1976. С. 5). Божье слово здесь переходит в дело чудесным образом. Но полной ясности здесь нет.

С одной стороны, как мы только лишь видели, за словами здесь появляются реалии, которые их обозначают, а с другой стороны, мы видим и противоположную последовательность: реалья – слово. Вот как это выглядит, например, со словами, обозначающими землю и море: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так... И *назвал* Бог сушу землею, а собрание вод *назвал* морями...» (там же). Сначала – *создал*, а потом – *назвал*. Да и начинается «Библия» со слов, которые свидетельствует о том, что небо и землю библейский Бог создавал молча: «В начале сотворил Бог небо и землю» (там же).

В «Библии» имеется объяснение и языкового полигенеза – в мифе о Вавилонском столпотворении. В 11 главе «Бытия» читаем: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжём огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: по-

строим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Бог: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать., сойдём же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон» (там же. С. 13).

Научное начало в мифе о Вавилонском столпотворении можно, пожалуй, усмотреть лишь в осознании его автором прагматической функции языка: никакое коллективное созидание у людей невозможно без единого языка.

Миф о божественном творении языка был чрезвычайно распространён в христианском мире, но претендовать на научность он не может. На научность могут претендовать только такие гипотезы о происхождении языка, которые опираются не на веру в чудеса, а на реальные факты. Таких гипотез в науке накопилось так много, что впору воскликнуть: не объять необъятное! Однако наибольшую ценность из них имеют лишь некоторые.

1.1. Старые

1. 1. 1. Звукосимволическая (Платон)

Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка сформировалась в споре, который возник в Греции в V в. до н. э. между «натуралистами» и «конвенционалистами». Учителем первых был Гераклит, а учителем других – Демокрит. Натуралисты считали, что слова создавались в соответствии с природой (натурой) обозначаемых ими вещей, а конвенционалисты настаивали на том, что слова – результат соглашения (конвенции) между их творцами – первыми людьми. Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка зародилась в недрах учения натуралистов.

Спор между натуралистами и конвенционалистами выведен в диалоге Платона (427–347 до н. э.) «Кратил». От имени самого Платона в его диалогах выступает Сократ. Он обычно играет роль диалектика – человека, который обладает умением разрешать споры. В данном диалоге ведут спор Кратил и Гермоген. Первый – сторонник натуралистов, а другой – сторонник конвенционалистов. «У всякого сущего есть правильное имя, – утверждает Кратил, – врождённое от природы, и не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи,

но некое правильное имя врождено и эллинам, и варварам, одно и то же у всех» (*Фрейденоберг О. М. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 36*).

Гермоген не соглашается: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя... Ведь никакое имя ничему не врождено от природы, но принадлежит вещи на основании закона и обычая тех, кто этот обычай установил и так называет» (там же. С. 37). Какую позицию в этом споре занял Платон?

Устами Сократа Платон сначала говорит, что прав и Кратил, и Гермоген, однако затем он уличает их в односторонности и в конечном счёте примыкает к натуралистам. Да, считал Платон, в языке имеются как имена, созданные по природе, так и имена, созданные по соглашению. Следовательно, есть основания для утверждений Кратила и Гермогена. Но всё дело в том, как создавать новые слова.

Новые слова следует создавать, по мнению Платона, в соответствии с природой (сущностью) обозначаемых вещей. Как же это делать? Это зависит от того, какое имя мы собираемся создавать – первичное (т. е. производное в современной терминологии) или вторичное (т. е. производное). В первом случае задача автора нового слова состоит в том, чтобы отражать сущность обозначаемой вещи с помощью зву-

ков, а во втором – с помощью значимых частей слова.

Термины “правильный” и “неправильный” в отношении к словам ещё не имеют у Платона культурно-речевого смысла. Его не интересовали проблемы языковой нормы. Позиция Платона в его диалоге является нормативистской, но платоновский нормативизм имеет не культурно-речевой (лингво-этический), а гносеологический характер.

“Правильным” Платон считал то слово, которое обозначает вещь в соответствии с её сущностными качествами. “Правильный” значит “истинный”. “Неправильное” имя, напротив, содержит в своём составе такие звуки (у непроеизводных, т. е. “первичных”, слов) или словообразовательные компоненты (у производных, т. е. “вторичных”, слов), которые не соответствуют реальным свойствам обозначаемых вещей.

Свою задачу Платон видел в том, чтобы способствовать созданию “правильных” имён в будущем – таких, которые своей структурой подчёркивают истинную природу обозначаемых ими явлений. Он писал: «Давать имена нужно так, как в соответствии с природой следует давать и получать имена, и с помощью того, что для этого природой предназначено, а не так, как нам заблагорассудится...» (*Платон. Сочинения в 3 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 421*).

Данная задача может быть выполнена только в том случае, если перед тем, как создать новое слово, говорящий (“законодатель” этого слова) исследует свойства обозначаемой вещи. Помощь в этом может оказать философ (“диа-

лектик”). «А законодатель, видимо, должен делать имя под присмотром диалектика, если он намерен как следует установить имя?» – задаёт риторический вопрос Платон устами Сократа (там же. С. 425).

В процессе создания “вторичных” слов говорящий должен подбирать в соответствии с выявленными свойствами вещей определённые словообразовательные компоненты, а в процессе создания “первичных” слов он должен подбирать звуки в соответствии со свойствами обозначаемых вещей. Чтобы это осуществить, он должен установить это соответствие, что и было сделано Платоном в его теории звукового символизма.

Суть теории звукового символизма состоит в приписывании звукам тех или иных значений. Платон писал: «Сжатие языка при произнесении *d* и упор при произнесении *t* полезно, кажется, применить для выражения, скованности уздою и стояния. А так как при произнесении язык очень скользит, опускаясь вниз, то, пользуясь уподоблением, он (“законодатель”) так дал имена “гладкому” (*leia*), “скользящему” (*olisthanein*), “лоснящемуся” (*liparon*), “смолистому” (*collodes*) и прочим подобным вещам... А для выражения “округлого” ему необходим был знак *o*, его-то он и вставлял по большей части в подобные имена» (там же. С. 473).

В своём «Кратиле» Платон заложил основы звукосимволической гипотезы о происхождении языка. Она составляет сердцевину натуралистического подхода к вопросу о соот-

ношении первых слов и обозначаемых ими вещей. По этой гипотезе выходит, что отдельные звуки обладают некоторым значением. Это позволяет для создания новых слов подбирать такие звуки, которые соответствуют природе обозначаемых ими вещей.

Мощный удар по звукосимволической гипотезе о происхождении первых слов нанёс Демокрит. Сам язык, по его мнению, содержит аргументы против обсуждаемой гипотезы. Так, в языке имеются омонимы. Если бы первые слова создавались по природе обозначаемых ими вещей, то их в нём не должно было бы быть, поскольку нельзя было бы подбирать одни и те же звуки для создания слов, обозначающих разные вещи. Не должно было бы быть в языке и синонимов, поскольку нельзя было бы подбирать разные звуки для обозначения вещей, имеющих одну и ту же природу.

У автора звукосимволической гипотезы был спасительный аргумент. Он состоял в следующем: в языке имеется много неправильных имён – таких, где звуки для обозначаемой вещи либо были подобраны по ошибке создателем слова, либо искажены теми, кто их употреблял в дальнейшем. Сократ, в частности, говорит Гермогену: «Разве ты не знаешь, любезнейший, что первые установленные имена уже искажены теми, кто хотел придать им более возвышенный характер, прибавляя и изымая буквы (звуки. – В. Д.) ради благозвучия и всячески их переворачивая, а также от прикрашивания и от времени. Например, в слове зеркало

(Нахонхров) разве не кажется неуместной вставка р? Это, думается, делают те, кто вовсе не заботятся об истине, но создают искусственное произношение, так что, многое вставляя в первые имена, они наконец доводят до того, что ни один человек не понимает, что же значит данное имя» (*Фрейденоберг* О. М. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 45).

Подобные аргументы не спасли натуралистов от утраты ими былого авторитета. О том, что этот авторитет был утрачен уже в IV в. до н. э. свидетельствует диалог между двумя философами – конвенционалистом Сильпоном и натуралистом Феодором-Безбожником: «“Скажи, Феодор, что в твоём имени, то ведь и в тебе?”. Феодор согласился. “Но ведь в имени твоём – бог”. Феодор и на это согласился. “Стало быть, ты и есть бог”. Феодор и это принял без спора, но Сильпон, расхохотавшись, сказал: “Негодник ты этакий, да ведь с таким рассуждением ты себя признаешь хоть галкой, хоть чем угодно!”» (*Лаэртский Диоген*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 135).

В основе лингвистического натурализма лежит идея соответствия между вещами и словами. Последние в идеале должны «подражать» вещам не только своим звуковым составом, но и словообразовательным. В реальных же языках дело до такого «подражания» сплошь и рядом не доходит. Отсутствие соответствия между вещами и словами в конеч-

ном счёте дискредитировало позицию натуралистов. Именно об этом свидетельствует приведённый диалог, состоявшийся между Стильпоном и Феодором, который был – вопреки своему имени – атеистом, за что и получил прозвище *Безбожник*.

В свою очередь конвенционалистам нанёс мощный удар в XVIII в. Жан-Жак Руссо. Каким образом, спрашивал он, первобытные люди могли договориться о звучании тех или иных слов, если этих слов у них ещё не было? В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он писал: «Необходимо было прежде обладать речью, чтобы потом ввести её в употребление» (*Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. С. 60*).

Между тем спор между натуралистами и конвенционалистами в античной философии языка – предвосхищение той науки, которую в XX веке стали называть лингвосемиотикой. Её родоначальник – Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Эта наука указывает на два главных признака языкового знака – отсылочность и произвольность (условность). Первый из этих признаков состоит в том, что языковой знак, как и любой другой, отсылает к определённой реалии, а второй – в том, что его собственные свойства отличаются от свойств этой реалии (сколько ни говори слово *халва*, во рту сладко не станет) (см. подр.: *Даниленко В. П. Введение в языкознание. Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования и науки РФ). М.: Флинта: Наука, 2010. С. 19–25*). Первый из

этих признаков забрезжил на небосклоне античной философии языка в учении натуралистов, а второй – в учении конвенционалистов.

Принцип произвольности знака в какой-то мере ослаблен у звукоподражательных слов (например, в русском языке «*кукарекать*:», «*мяукать*» и т. п.), однако и в подобных случаях этот принцип действует, поскольку в разных языках звукоподражательные слова по своему звучанию не совсем совпадают (ср. русское слово *кукушка* с немецким *Kuckuck*, английским *cuckoo*). Однако сам факт существования звукоподражательных слов послужил предпосылкой для появления звукоподражательной гипотезы о происхождении языка.

1. 1. 2. Междометная (А. А. Потебня)

Сторонниками этой гипотезы были Иоганн Гердер (1744–1803), Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) и др. Сущность этой гипотезы состоит в предположении, что первые слова возникли из «междометий», но под последними имелись в виду не современные междометия, а те произвольные возгласы, которые издавали наши животные предки при выражении чувств.

Такого рода междометия А. А. Потебня считал подлинными междометиями и противопоставлял их словам *ах*, *ох* и т. п. Последние являются произвольными – в том смысле, что они употребляются говорящими сознательно. Современ-

ные междометия – лишь прообраз тех «междометий», которые представляли собою рефлексивные возгласы наших животных предков. Подобными междометиями пользуются животные и дети, когда они ещё не владеют взрослым языком.

В произвольных междометиях вслед за И. Гердером А. А. Потебня видел материал для будущих человеческих слов. Он писал: «Язык животных и человека в раннюю пору детства состоит из рефлексий чувства в звуках. Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка. Человеческий произвол застаёт звук уже готовым: слова должны были образоваться из междометий» (А. А. *Потебня*. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 110).

Животные междометия – принадлежность предъязыка. Они ещё не были словами человеческого языка. Своему переходу в слова у первых людей они были вновь обязаны чувствам. «Роль чувства, – указывал А. А. Потебня, – не ограничивается передачею движения голосовым органам и созданием звука. Без вторичного его участия не было бы возможно самое образование слова из созданного уже звука» (там же. С. 116).

В чувственной природе первобытного языка был убеждён знаменитый французский философ Жан Жак Руссо. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что первый (звуковой. – В. Д.) язык, существуй он поныне, сохранил бы независимо от словаря и синтаксиса свои черты, отличающие его от всех других. Не только все обороты этого языка были бы образ-

ными, чувственными, фигуральными, но даже его внутреннее устройство отвечало бы первоначальной цели доносить до чувств и разума жаждущий отклика голос страсти» (*Руссо Ж. - Ж. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. С. 65*).

Участие чувства в переходе междометий в слова А. А. Потебня усматривал в том, что междометия, первоначально служащие для непроизвольного выражения чувств, вызываемых определёнными предметами, стали уже сознательно употребляться в дальнейшем и для выражения представлений о самих этих предметах. Именно с этого момента они переставали быть междометиями и становились первыми словами.

Перенос междометий с обозначения чувств на их источники не был бы возможен, полагал А. А. Потебня, если бы мышление наших предков не достигло такой ступени своего развития, при которой они смогли увидеть в своих междометиях будущие слова. Своим переходом в слова междометия были обязаны не только чувству, но и мысли, способной осмыслить их как знаки вещей. «Междометие, – писал в связи с этим А. А. Потебня, – под влиянием обращенной на него мысли изменяется в слово» (указ соч. А. А. Потебни. С. 110).

Отсюда следует, что в качестве предпосылки для перехода животных возгласов в человеческие слова А. А. Потебня усматривал успешную психическую эволюцию наших пред-

ков, благодаря которой они сумели подняться до осознания знаковой природы собственных возгласов. Первобытное «междометие» в таком случае перестаёт быть произвольным животным выкриком и превращается в человеческое слово.

А. А. Потебня предполагал, что процесс перехода междометия в слово в мышлении нашего предка осуществлялся приблизительно так же, как в сознании ребенка. Он писал: «Итак, образование слова есть весьма сложный процесс. Прежде всего – простое отражение чувства в звуке, такое, например, как в ребёнке, который под влиянием боли невольно издает звук *"вава"*. Затем – сознание звука... Наконец – сознание содержания мысли в звуке, которое не может обойтись без понимания звука другими» (там же. С. 113).

Междометия, перешедшие в слова, составили основу, опираясь на которую люди могли создавать новые слова на материале старых. Но такого рода слова были уже не первичными, а вторичными, произведёнными от других слов, а не от животных междометий.

Достоинство междометной гипотезы о происхождении языка заключается в том, что она вписывает проблему происхождения языка в психогенез. Очевидный эволюционизм составляет сильнейшую сторону данной гипотезы.

1. 1. 3. Звукоподражательная (Платон, Г. Лейбниц)

Лучше всего эта гипотеза изложена у Платона (427/347 до н. э.), Готфрида Лейбница (1646–1716) и Иоганна Гердера (1744–1803). Сущность этой гипотезы сводится к предположению о том, что наши предки научились говорить благодаря подражанию не только звучащей природе (пению птиц, блеянию овец и т. д.), но и беззвучной. В последнем случае речь шла не о простом копировании звуков, которые первобытный человек слышал в природе, а о выражении с помощью звуков своих впечатлений о тех или иных свойствах предмета (его форме, размере и т. п.).

О словах, возникших из непосредственного подражания звучащей природе, Платон писал: «...кто подражает скоту, петухам и прочим животным, именует то, чему они подражают» (Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 47).

В более сложном положении сторонники звукоподражательной гипотезы о происхождении языка оказывались, когда речь заходила о словах, появившихся в языке, по их предположению, благодаря звуковому выражению впечатлений о незвучащих предметах. Выход они нашли в соединении звукоподражательной гипотезы со звукосимволической.

Они приписывали тем или иным звукам связь с обозначением определённых свойств этих предметов. Так, звуку [r] приписывалась связь с обозначением чего-нибудь резкого и твердого, а звуку [l] – плавного и мягкого. В свою очередь звуку [o] приписывалось выражение округлого. По поводу этого звука Платон писал: «Нуждаясь в звуке О для круглого, он (изобретатель слова. – В. Д.) его преимущественно влиял в это имя» (там же. С. 51).

С помощью звукоподражательной гипотезы о происхождении языка Г. Лейбниц объяснял наличие звука [r] в словах, связанных с обозначением разрыва (нем. *Riss*, лат. *rumpo*, фр. *arracher*, ит. *straccio* и т. п.). Подобным образом он объяснял присутствие звука [l] в латинском слове *mel* (мед), в немецком *lieben* (любить) и т. п.

На подлинно научную высоту звукоподражательную гипотезу о происхождении языка поднял в XVIII в. Иоганн Гердер. В своём «Трактате о происхождении языка» (1772) он прекрасно показал, что эта гипотеза – вовсе не плод досужего воображения. Она объясняет, почему именно со звукоподражательных слов начался человеческий язык. Всё дело в их полупроизвольной природе. Условный момент в них сочетается с подражательным. Первые слова нашим предкам было легче создавать за счёт подражания звучащим предметам. Их звучание подсказывало, с помощью каких звуков обозначить ту или иную вещь. Условный момент в звукоподражательных словах в свою очередь способствовал осо-

знанию произвольности знака. Вот почему вслед за полупроизвольными звукоподражательными словами первобытные люди сумели перейти к созданию произвольных незвукоподражательных слов.

1. 1. 4. Трудовая (Монбоддо, Л. Нуаре, Ф. Энгельс, Б. В. Якушин)

Истоки этой гипотезы восходят ещё к Демокриту, но наибольший вклад в её разработку внесли Джеймс Бернетт, лорд Монбоддо (1714–1799), Людвиг Нуаре (1827–1897), Фридрих Энгельс (1820–1895) и Борис Владимирович Якушин (1930–1982). Между тем ещё в Средние века мы обнаруживаем её предтечу у «отцов церкви» – Григория Нисского (IV в.), Аврелия Августина (IV–V вв.), Иоанна Дамаскина (VII–VIII вв.) и др.

Как показал Ю. М. Эдельштейн (см.: Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Под ред. А. В. Десницкой и С. Д. Кацнельсона. М.-Л.: Наука, 1985. С. 157–207), отцы церкви отнюдь не были религиозными фанатиками и мракобесами. Они были людьми творческими и сумели внести много нового в развитие философии языка. Они поставили, в частности, впервые вопросы о коммуникации у животных, о невербальном мышлении и внутренней речи у людей и т. д.

Особого, внимания заслуживает теория происхождения

языка, разработанная Григорием Нисским (335–394), который развивал в ней идеи не только своего брата – Василия Кесарийского (Великого), но и античных авторов.

Свои взгляды на проблему происхождения языка Григорий излагал в полемике с Евномием, который считал, что слова создаются человеком не самостоятельно, а в сотворчестве с Богом. Человеку, по Евномию, принадлежит пассивная роль в процессе словообразования, поскольку она сводится лишь к тому, чтобы угадывать имена, данные тем или иным вещам самим Богом.

Григорий, напротив, считал, что Бог одарил человека лишь творческой способностью, благодаря которой он сам, без помощи Бога, может создавать новое – будь то дом, меч, плуг или слово. Имена, по Григорию, создаются человеком, с одной стороны, в соответствии со свойствами обозначаемых вещей, а с другой стороны, в соответствии с национальным своеобразием языка, на котором говорит автор нового слова.

Григорий Нисский принимал, таким образом, как натуралистический, так и конвенционалистский принципы в словообразовании, однако делал упор на последнем из них. Он писал: «Итак, всем подтверждается наше слово (хотя оно и не искусно построено по правилам диалектики), доказывающее, что Бог – Создатель предметов, а не простых речений, ибо не ради Его, а ради нас прилагаются предметам имена... Если же кто скажет, что эти имена образуются, как угодно людям, сообразно их привычкам, тот нисколько не погрешит

относительно понятия Промысла, ибо мы говорим, что имена, а не естество существующих предметов происходит от нас. Иначе именует небо еврей и иначе хананей, но тот и другой понимают одно и то же, от различия звуков несколько не ошибаясь в разумении предмета» (там же. С. 185).

Заслуга Григория Нисского состоит прежде всего в том, что в своей теории он поставил язык в один ряд с другими продуктами культуры, считая, что язык, подобно любому другому продукту культуры, создается человеком благодаря его творческому отношению к действительности.

Особенно неожиданным в размышлениях отца Григория о происхождении языка звучит вполне материалистическое утверждение о том, что в качестве предпосылки возникновения языка следует рассматривать развитие человеческой руки. Он писал: «Содействие рук помогает потребности слова, и если кто-то услугу рук назовёт особенностью словесного существа – человека, если сочтёт это главным в его телесной организации, тот несколько не ошибётся... Рука освободила рот для слова» (там же. С. 189).

В 1773 г. в Шотландии вышел шеститомный труд Монбоддо «О происхождении и прогрессе языка». Его автор изложил в нём предтечу трудовой гипотезы Нуаре-Энгельса.

Своим происхождением орудия труда, по мнению Монбоддо, обязаны успешной психической эволюции их создателей. Но подобной эволюции обязан своим происхождением и язык.

Первые слова были неполноценными. Их отличие от слов полноценных состояло в их диффузности – как звуковой, так и смысловой. Звуковая диффузность первых слов выразилась в их слабой членораздельности, а смысловая – в синкретичности их значения. Вот почему их нельзя было отнести к какой-либо части речи. Монбоддо писал в связи с этим: «Какие слова были изобретены первыми? – Мой ответ: если под словами понимать части речи, то первых слов вообще не было; а первые артикулированные звуки обозначали целые предложения» (*Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. С. 79*).

Орудия труда и язык Монбоддо соединил в одну связку. Их прогресс зависел от их взаимного влияния друг на друга, однако на приоритетное положение в ней он поставил орудия труда.

Прогресс в изготовлении орудий труда повлиял на происхождение и развитие языка в двух отношениях: с одной стороны, он заставлял людей объединяться во всё более и более многочисленные союзы, трудовая деятельность которых в значительной мере зависела от выполнения её участниками тех задач, которые связаны с использованием языка, а с другой стороны, этот прогресс способствовал развитию у первобытных людей абстрактного мышления, что не могло не влиять на развитие языка: он эволюционировал от употребления слов в конкретном значении к их употреблению во всё более и более абстрактном значении. Монбоддо здесь

использовал идею Д. Локка о том, что первые слова обозначали только индивидуальные предметы, а стало быть, были именами собственными, но со временем они стали превращаться в имена нарицательные, поскольку стали обозначать всё более и более обширные совокупности похожих предметов.

Особенно ярко трудовую гипотезу о происхождении языка изложил в работе «Происхождение языка» (1877) Людвиг Нуаре. Он писал: «...трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путём эти звуки приобретают определённое значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все известные нам языки» (*Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. С. 104*).

Иначе говоря, Л. Нуаре считал, что первые корнесловы возникли из звуков, которые вырывались из уст наших предков во время трудовых действий.

Глоттогенез Ф. Энгельс вписывал в антропогенез. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896) он писал: «Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинаясь вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой рас-

ширяло с каждым новым шагом вперёд кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 72).

Для доказательства правильности своей точки зрения на проблему глоттогенеза Ф. Энгельс прибегал к сравнению животных языков с человеческими. «Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, – писал он, – доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать чело-

веческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык» (там же).

Ф. Энгельс предсказал появление попугая Алекса. Он писал: «Птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление об их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленой. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств» (там же).

Трудовая гипотеза о происхождении языка легла в основу марксистской глоттогенетики в СССР. Так, А. Г. Спиркин вслед за Ф. Энгельсом писал: «Потребность во взаимном общении родилась в условиях коллективной трудовой

деятельности, направленной на удовлетворение материальных потребностей человека... Начало формирования речи обычно связывают с переходом полуживотного предка человека к искусственному изготовлению и систематическому использованию орудий трудовой деятельности» (*Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. Под ред Д. П. Горского. М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 26).*

Высшим достижением марксистской глоттогенетики стала концепция Б. В. Якушина. Она изложена им в очерке «Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности» (см.: *Онтология языка как общественного явления. Под ред. Г. В. Степанова и В. З. Панфилова. М.: Наука, 1983. С. 37–104*) и в последней главе («Язык – продукт общественного развития») его книги «Гипотезы о происхождении языка» (М.: Наука, 1984).

В трудовой деятельности наших предков Б. В. Якушин видел предпосылку для их успешного психического развития: «“Труд начинается с изготовления орудий”, – писал Ф. Энгельс. Процесс изготовления орудий труда и охоты играет большую роль в психическом (прежде всего интеллектуальном) и социальном (в орудиях труда овеществляется соответствующий опыт) развитии первобытных людей» (*Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. С. 103).*

Вот как Б. В. Якушин объяснял роль труда для разви-

тия психики у первобытных людей: «Обработка материала, и особенно такого “капризного” – твёрдого и хрупкого, как кость или камень, требовала мобилизации и интенсификации всех психических процессов работника... Трудовые действия планомерны и последовательны; они включают в себя напряжение нервных и физических сил, работу всех органов чувств. Они требуют расчётливого мышления и воображения. А это означает, что анализ и синтез, абстракция и обобщение становились более тонкими, разветвлёнными и многоступенчатыми» (там же).

Психическая эволюция у первобытных людей, стимулируемая их трудовой деятельностью, сочеталась с их языковой эволюцией. В её основе, по предположению Б. В. Якушина, лежал не звуковой язык, а пантомима. Он писал: «Использование орудий труда, способность к тонкой координации движений создали условия для самого естественного способа передачи информации – жестом, мимикой, позой, короче – пантомимой» (там же. С. 113).

Пантомима у первобытных людей вовсе не была немой: она сопровождалась теми или иными эмоциональными выкриками. Эти выкрики с течением времени выдвинулись у наших далёких предков на первый план, оттеснив на второй план пантомиму. Почему это произошло? Потому что звуковая форма передачи информации имеет неоспоримые преимущества перед зрительной. Вот почему пантомимический язык у первобытных людей уступил место звуковому.

Нельзя сказать, что пантомима полностью исчезла из общения первобытных людей, но большая часть используемых ими жестово-мимических знаков, с одной стороны, и нечленораздельные эмоциональные выкрики, с другой, стали всё больше и больше заменяться на звуковые знаки, т. е. членораздельные слова.

Так происходил переход пантомимического языка у первобытных людей к звуковому. Вот что писал об этом переходе Б. В. Якушин: «Выполняя одну и ту же знаковую функцию, пантомима и звук как бы конкурировали между собой, и в этой конкуренции победил более экономичный и оперативный звук» (там же).

Первобытный язык (в обеих его формах – пантомимической и звуковой), по мнению Б. В. Якушина, выполнял по преимуществу прагматическую («управленческую») функцию. В нём преобладали повелительные предложения, без которых невозможна коллективная трудовая деятельность.

Б. В. Якушин в связи с этим указывал: «Общение между первобытными людьми обязательно должно было выйти из наличной ситуации, и передаваемая информация должна была относиться к прошлым или будущим событиям. Элементарные средства общения имели “управленческий” характер: “отрезок” пантомимы, звук или их сочетание представляли собой команды для внешнего или внутреннего действия и содержали в себе информацию о действующем лице, его действии и объекте» (там же).

В конце своей книги Б. В. Якушин наметил разграничение двух эпох в эволюции языка – эпохи однословных предложений («слов-предложений») и эпохи несколькословных («членораздельных») предложений. По поводу первой из этих эпох он писал: «Нечленораздельный звук, становясь многозначным, начал варьироваться и стягиваться до тех пределов, в которых он оставался отличимым от других звуков. Каждый такой звук имел своё значение – образ отрезка пантомимического действия. Это уже были слова-предложения» (там же).

Последний абзац в книге Б. Я. Якушина посвящён характеристике второй эпохи языковой эволюции: «Возрастающее число и разнообразие ситуаций, в которых участвовал древний человек, потребовали их большего дробления и обобщения в сознании, что в свою очередь вызвало необходимость комбинирования становящихся всё более абстрактными значимых звуков для описания ситуаций. Так возникли членораздельные предложения» (там же).

Сделаем вывод. Если достоинство междометной гипотезы о происхождении языка состоит в том, что она вписала проблему глоттогенеза в психогенез, то звукоподражательная и трудовая приблизились к её культурологической интерпретации, поскольку стали связывать появление первых слов с творческой, преобразующей деятельностью наших предков, благодаря которой они и пошли по пути культурогенеза.

1. 2. Новые

Очень обстоятельный обзор новых гипотез о происхождении языка дан в книге С. А. Бурлак «Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы» (М.: Астрель, 2012). Я ограничусь в своей книге кратким критическим анализом лишь основных.

1. 2. 1. Натавистская гипотеза Н. Хомского

В молодые годы Ноэм Хомский (род. в 1926) взлетел на олимп мировой славы благодаря своей теории генеративной грамматики. Уже и тогда он настаивал на врождённости универсальной грамматики. На старости лет он перенёс идею врождённости на глоттогенез. По поводу этой идеи сразу послушаем Б. Бичакджана: «Языки не являются ничем не обусловленными вариантами некой универсальной устойчивой грамматики, которую генетическая мутация привнесла в наши хромосомы. Языки – это наборы эволюционирующих черт» (Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М. Языки славянских культур, 2008. С. 85).

Язык, с точки зрения Н. Хомского, обязан своим происхождением вовсе не потребности что-либо сказать, а потребности о чём-либо размышлять. Язык потому главным образом и возник, чтобы обеспечивать процесс познания. Когнитивную функцию языка он возвысил над коммуникативной. Первая – главная, а другая – побочная.

Н. Хомский писал: «Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Её, конечно, можно использовать для коммуникации... Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка» (*Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. С. 114*).

Рациональное зерно в только что приведённой цитате очевидно: возможности вербального мышления неизмеримо выше аналогичных возможностей невербального мышления. Вербальному мышлению человек в первую очередь и обязан своему стремительному отрыву от своих животных собратьев в своей когнитивной эволюции. Она была бы невозможна, если бы наш предок не сумел создать инструмент для своего мышления – язык.

Выходит, что перед языком можно смело ставить когнитивную потребность в качестве причины для появления человеческого языка. Но отсюда вытекает неизбежный вывод о том, что даже и в одиночестве человек должен был бы создать себе язык как «систему для выражения мыслей» – во

внутренней речи. Чтобы с её помощью познавать мир. А уж потом он сообразил, что внутреннюю речь можно превратить во внешнюю, чтобы приобщить к ней других. Приблизительно так и думал в XVIII в. Иоганн Гердер. Новое – хорошо забытое старое!

И. Гердер писал: «...ведь даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык, даже если бы он и не говорил на нём никогда. Язык явился результатом соглашения, которое душа его заключила сама с собою, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком» (*Гердер И.* Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 143).

Одно непонятно: зачем под глоттогенез подводить только когнитивную потребность в языке, а коммуникативную оставлять на задворках? Почему между ними не заключить союз? Первые люди нуждались не только в познании мира, в котором они живут, но и в общении друг с другом. Вот почему ущемление коммуникативного фактора глоттогенеза за счёт гипертрофии когнитивного в гипотезе Н. Хомского нужно исправить на когнитивно-коммуникативную гармонию. Но эта гармония будет неполной, если мы не превратим её в когнитивно-коммуникативно-прагматическую, поскольку в основе происхождения языка лежат не только когнитивный и коммуникативный факторы, но и прагматический.

Прагматический фактор глоттогенеза связан с переходом

слова в дело. Нет никаких оснований сомневаться в том, что первые люди не могли додуматься до осознания прагматической функции зарождающегося у них языка. Этой функцией пользуются животные, предупреждая своих соплеменников, в частности, о грозящей опасности. Люди лишь унаследовали от них использование языка как средства, с помощью которого они могут «воздействовать друг на друга с большей эффективностью» (*Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. С. 42*).

1. 2. 2. Протограмматическая гипотеза Т. Гивона

Талми Гивон (род. в 1936) в 1962 г. получил степень магистра наук в области садоводства, но с 1966 г. он пошёл по лингвистической стезе. В это время лингвистическую науку уже в значительной мере охватил хомскианский угар. Т. Гивон не принял грамматики Н. Хомского. От критики этой грамматики он пришёл к своей версии глоттогенеза.

В отличие от Н. Хомского, Т. Гивон не оставил в своей гипотезе о происхождении языка коммуникативную функцию языка в тени когнитивной. По традиции он стал рассматривать язык не только как инструмент мышления, но и как средство общения. От себя он подчеркнул: с помощью языка говорящий имеет возможность узнать что-то новое не только благодаря собственным размышлениям, но и от дру-

гих людей. Иначе говоря, коммуникативная функция языка может превращаться в когнитивную.

Т. Гивон разделил глоттогенический процесс на два этапа – протограмматический и грамматический. Первый из них характеризуется отсутствием грамматикализации, т. е. отсутствием специальных грамматических показателей у первых слов-предложений, а вторая идёт по пути растущей грамматикализации, т. е. по пути увеличения грамматических показателей у несколькихсловных предложений. Следовательно, второй этап глоттогенеза характеризуется появлением подлинного синтаксиса, тогда как в первый он по существу отсутствует, поскольку первые люди употребляли лишь однословные предложения.

Рассуждая подобным образом, Т. Гивон пришёл к тем же соображениям, к которым А. А. Потебня пришёл ещё в XIX в. Выражение «всё новое – хорошо забытое старое» здесь, кстати сказать, не годится, поскольку американские языковеды, за очень редким исключением, не имеют ни малейшего представления о российской лингвистической науке. Никогда не узнает этот Т. Гивон и о том, что я здесь о нём пишу.

А. А. Потебня предполагал, что первобытные люди потому употребляли однословные предложения, что их мышление ещё не способно было расчленять описываемую ситуацию на предмет (субъект) суждения и его признак (предикат). Их мышление было ещё синкретическим по преиму-

шеству. Вот почему гипотетическое предложение «*Лек*» у них означало «*Птица летит*». Субъект в нём спаян с предикатом. Естественно было назвать это «*Лек*» первобытным причастием, поскольку именно причастие совмещает в себе именные и глагольные особенности. Но это причастие ещё представляло собою безаффиксный корнеслов. Оно ещё не подверглось грамматикализации.

На место потебнианского первобытного причастия Т. Гивон поставил указательные местоимения, возникшие в результате вокализации указательных жестов. Если, по А. А. Потебне, имена и глаголы возникли из первобытных причастий, то по Т. Гивону – из первобытных указательных местоимений. Из этих местоимений он вывел личные местоимения, артикли и существительные. Между существительными и глаголами затем наступила длинная пауза, необходимая для того, чтобы первые люди в своей когнитивной эволюции дозрели до соединения существительных с глаголами для построения субъектно-предикатных предложений. Как только это произошло, появились несколькословные предложения с субъектно-предикатной структурой и начался второй этап голоттогенеза – грамматический. Он характеризовался приливом грамматических средств, позволяющих предложению всё больше и больше совершенствовать свою синтаксическую структуру.

Как видим, гипотеза Т. Гивона заслуживает высокой оценки. Её истоки восходят в Европе к Ф. Боппу, В. Гум-

больдту, А. Шляйхеру и А. А. Потемне. В ней отражён эволюционный взгляд на происхождение языка. Языковая эволюция предстаёт в ней как процесс, движущийся от простого к сложному – от грамматически неоформленных слов-предложений в протоязыке к грамматически оформленным несколькословным предложениям в языке.

1. 2. 3. Музыкальная гипотеза Н. Масатаки

Нуобо Масатака (род. в 1954) – японский приматолог. Он поделил начальный этап глоттогенеза на три периода – гуления, лепета и пения. Материал для такой периодизации он нашёл в доязыковом поведении младенцев и коллективных дуэтах гамадрилов. В процессе первого периода наши предки создали слоги, в процессе второго – многосложные слова, и в третий они их запели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.